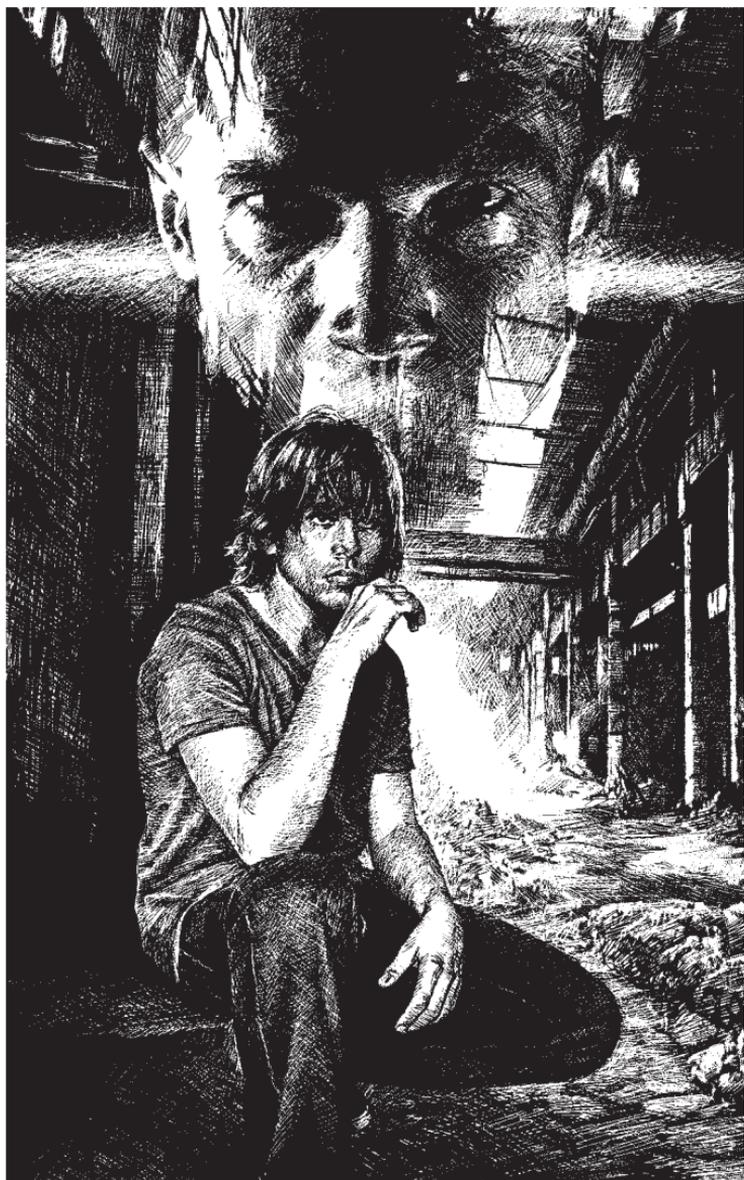

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Алексей ФЕДОРОВ

ВИДЯЩИЙ.
ПЕРВЫЕ ШАГИ

Роман

Москва, 2017
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ф33

Серия основана в 2004 году
Выпуск 642

Художник
В. Федоров

Федорочев А. А.
Ф33 Видящий. Первые шаги: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 314 с.:
ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2389-7

Россия, мир, где современные технологии соседствуют с магией,
а власть принадлежит императору и кланам...

Оказавшись в теле сироты, потерявшего магические способности,
наш современник вынужден решать свалившиеся проблемы, не догады-
ваясь, что несколько организаций имеют на него свои планы.

Шестьсот украденных рублей в кармане, да еще опыт и знания
прошлой жизни — вот и весь багаж, с которым бывший боевой офицер,
вертолетчик, а ныне тринадцатилетний Егор Васильев начинает свой
путь вверх.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Федорочев А. А., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2389-7

ГЛАВА 1

Пробуждение номер один

Просыпаться было... странно.

Пахло нагретым деревом, травами и почему-то молочной кашей. Запахи из детства, которых по определению не могло быть в моей холостяцкой квартире. Руки нащупали край одеяла, чтобы поудобнее укрыться и досмотреть явно приятный сон.

Стоп!!!

Руки???

Глаза распахнулись, и я уставился на две абсолютно целых руки. Покрутил ладонями, пошевелил пальцами; поморгал, снова уставился. Ничего не изменилось...

Сердце глухо заколотилось где-то у горла, на глаза навернулись злые слезы.

Белочка, ты жестока...

Зажмурился и сжал зубы, чтобы прогнать позорную слабость, и вдруг понял: руки не мои! Почему-то эта мысль резко меня успокоила.

Набрался смелости и снова открыл глаза. Руки по-прежнему присутствовали на месте в количестве двух штук: по-прежнему не мои, а принадлежащие подростку лет двенадцати-тринадцати. Ощупал голову — лицо тоже не мое, взамен привычной лысины — короткий ежик волос, уши вроде не лопухие, но все равно не родные. Резко вспоминаю про самое драгоценное и ныряю рукой вниз. Фух, на месте... Уже спокойнее откидываю одеяло и осматриваю тощее подростковое тело. Тело как тело. Не Аполлон, но задатки не-

плохие. Я в его годы, пожалуй, потолще был, а может, и нет, сейчас уже и не вспомнить.

Осознаю, что по привычке делаю все левой рукой, и снова утыкаюсь взглядом в целую правую. Рука послушно сжимается в кулак, поочередно шевелит пальцами и не собирается никуда исчезать.

Распахнувшаяся дверь отрывает меня от любования, и я наконец-то обращаю внимание на окружающую меня обстановку. Здоровенный мужик с рожей душегуба в десятом поколении оторопело пялится на меня из дверного проема.

— Батюшки, очнулся Егор Николаич! — И мужик исчезает где-то за дверью. — Михайло Игнатъич, очнулся наш соколик! — слышны крики из глубины коридора.

Так, белочка мне попалась упорная, глюк развивается. Егор Николаевич — так, похоже, зовут мое тело; еще бы понять, кто я и что со мной, хоть бы подсказку какую-то дали...

С этой свежей и своевременной мыслью сознание отправляется на перезагрузку.

Пробуждение номер два

Просыпаюсь там же и тем же. Опять люблюсь на целую правую руку. За окном ночь, но слабого света ночника хватает, чтобы рассмотреть палату, хотя смотреть по сути не на что — койка, крашенные стены, крашенный деревянный пол, из щелей старого разошедшегося окна ощутимо тянет сквознячком. Рядом с койкой на простом стуле похрапывает давешний звероподобный мужик. Немного удивляет отсутствие современных материалов в отделке, но в то же время обстановка воспринимается абсолютно обыденно, словно иначе и быть не может.

Чувствую себя вполне сносно, но это ни о чем не говорит, ведь случилось же что-то с Егором, раз он-я здесь. Пока я в сознании и никто не тревожит — пытаюсь выудить из головы хоть какие-то крохи знаний об окружающем. Тщетно. Никаких «левых» воспоминаний не появляется. От умственных усилий начинает болеть голова. Боль нарастает как цунами, грозя накрыть меня собой. Пытаюсь расслабиться, отрешиться от мигрени, но толку — чуть. Особо сильный приступ опять отправляет меня в небытие.

Пробуждение номер три

Просыпаюсь.

Знакомая палата лазарета, где я последнее время провожу времени больше, чем в своей комнате, встречает меня утренним солнечным светом. Не сосчитать, сколько раз я оказывался здесь за последний год. Но сегодняшний случай выделяется особо: сорвать источник в тринадцать лет — это не просто звание неудачника года, это, пожалуй, на звание неудачника столетия потянет!

Стоп! Какой источник? Какие тринадцать лет?

Я подполковник в отставке Васин Георгий Алексеевич — боевой офицер-вертолетчик, потерявший руку после ранения в Афгане. Ампутация поставила крест на дальнейшей службе, и, выдав мне на прощанье внеочередное звание и орден на грудь, армия пнула меня в свободный полет. Потом судьба помотала меня по России. Я и в Пугачеве преподавал, пока не понял, что ненавижу курсантов, которые могут летать, а я — нет. И золотишко мыл на Колыме в полулегальной артели в лихие девяностые, и на ювелирной фабрике в службе безопасности работал, пока не понял, что Юрьич — мой знакомый, который притащил меня туда, начал зарываться и надо сваливать. Чуйка, кстати, не подвела: в девяносто седьмом его взорвали вместе с третьей по счету женой, а потом и замов одного за другим грохнули.

Последние годы я работал в службе безопасности одного московского банка, куда меня позвал другой приятель. В личной жизни серьезных отношений не заводил, хотя и не монашествовал: по молодости считал, что еще рано, не нагулялся, потом помешала война и служба — женщины в части были наперечет и все заняты, потом — стеснялся увечья. Вот так семьей и не обзавелся. Вечера коротал за компьютером, который довольно быстро освоил уже во взрослом возрасте. Конечно, несмотря на современный протез, в игры особо играть не получалось, но смотреть фильмы и читать книжки отсутствие руки не мешало. Изредка выбирался с друзьями-приятелями на природу-охоту-рыбалку-баню-шашлык (нужное подчеркнуть). Выпивал, не без того, но в меру.

И вот вчера, возвращаясь домой с работы, я нарвался в подъезде на компанию Витьки-алкаша со второго этажа. Гопота пила пиво и загадила шелухой от семечек и бычками всю лестничную площадку. Слово за слово завязался скандал, а потом и драка. И хотя я был в хорошей форме для своего возраста, но отсутствие здоровой правой руки, да и количество и молодость нападавших сыграли не в мою пользу. Кто из этих уродов пырнул меня ножом, мне уже не узнать. Боль от ударов, потом жгучая резь от лезвия под ребром, а потом темнота. И не было никакого светлого коридора, никакой высшей сущности, просто раз — и я здесь.

И в то же время я помнил другое.

Я — Васильев Егор Николаевич, мне тринадцать лет, я родился в небольшом городке Рязанской губернии. У меня есть брат Митька, который учится здесь же, и мать. Отец погиб в аварии автобуса, когда они всей семьей переезжали к деду. Матери и Митьке повезло, их выбросило в кусты, а отцу — нет. А я родился восемь с половиной месяцев спустя, так что отца видел только у деда на старых фотографиях. Наше-то имущество все сгорело вместе с автобусом. До десяти моих лет мы жили с дедом, но, когда он умер, произошла некрасивая история с наследством, и матери пришлось завербоваться в армейскую приграничную часть целителем, а нас отправить в интернат подальше от родных мест. Теперь я ученик Московского Императорского училища имени Святого Михаила.

Поначалу все было неплохо. Первые два года мама забирала нас на каникулы к себе в часть, где мы жили при госпитале. Днем бегали по военному городку, играли и дрались с местными детьми, по вечерам мама учила нас чему-нибудь или, если было ее дежурство, приводила к себе на работу, чтоб мы не болтались под ногами у взрослых. В госпитале нас запросто могли приставить к какому-нибудь делу или отправить развлекать раненых.

Все изменилось в прошлом году. Сначала на мамину часть произошло нападение. Это не было чем-то необычным, мелкие стычки с шайками из соседнего государства случались постоянно, но здесь собралась очень большая банда, вдобавок хорошо вооруженная. Помощь задержалась

(интересно почему?) и оружие в руки пришлось взять практически всем. Мама вытаскивала раненых из-под огня и тут же их исцеляла. В один момент она оказалась буквально в гуще сражения и сама была ранена. В газете потом написали, что она применила какой-то неизвестный артефакт типа «последнего вздоха», уничтоживший часть боевиков и самое главное — каким-то образом взорвавший командную машину связи бандитов. В один момент из хорошо организованной силы боевики превратились в неуправляемое стадо, и их стали давить поодиночке, а тут и помощь подоспела. Вроде бы хеппи-энд, но из-за конфликта собственной магии и магии артефакта на фоне тяжелого ранения мама впала в кому. И только я знаю, что никакого артефакта у мамы никогда не было, а все описанное она совершила собственной силой, но это наша большая тайна. На волне шумихи в СМИ пострадавших в той заварушке привезли сюда, в Москву, где поместили в лучший госпиталь. Нас с Митькой несколько раз отпускали из интерната навестить знакомых. Но прошел уже год, все давно вылечились и разъехались, и только мама по-прежнему не приходит в себя. За последнее время я уже пару раз слышал разговоры о том, что пора прекратить искусственно поддерживать ее жизнь. Конечно: ведь ее подвиг уже забылся на фоне новых историй...

Мелкими в сравнении с этим покажутся мои собственные неприятности, но именно они привели уже к моей личной трагедии. С нового учебного года в нашем училище сменился завуч. Никакого криминала или хотя бы интересной истории — просто старый подал в отставку по состоянию здоровья. Матвей Игнатьевич уже давно занимался делами от случая к случаю, скидывая работу на замов, что не очень хорошо отражалось на учебном процессе. Поскольку наше училище находится под личным патронатом ЕИВ, приказ о новом назначении пришел из личной императорской канцелярии. Новый завуч, Залесский Евгений Александрович, прибыл в ореоле тайны императорского двора и буквально за неделю всех в себя влюбил — и наставников, и нас, курсантов.

Для каждого у него находились и ободряющее слово, и направляющий пендель. В библиотеке появилась новая ли-

тература, в классах — новая мебель и пособия, в лазарете — свежие лекарства, на кухне — новый повар. К слову сказать, и раньше все было очень неплохо, все-таки наше училище входит в первую сотню лучших по стране, но эта бьющая через край энергия, эти перемены — впечатляли.

А вместе с Залесским прибыли несколько новых преподавателей. На фоне ярких изменений в жизни училища их приход казался вполне закономерным. Часть заменила старых учителей, которые ушли в отставку вместе с Быстрым, для части ввели новые предметы. Судьбоносным для меня оказался Скиннис Андреас Германович. Этот препод стал нас учить раскачке источника. Занятия были индивидуальными, никто не видел, как он работает с другими, но все ученики были от него в восторге. А вот я — нет. Начать с того, что главной моей проблемой было не раскачать источник, а наоборот — не показать всех его возможностей. Маскировка и мимикрия с сопливого детства стали моим вторым «я», так как мама с самого первого выплеска силы постоянно мне твердила: «Мальш, если кто-то узнает о твоих способностях — нас всех убьют». После этих слов она всегда прижимала меня к себе и начинала тихо всхлипывать. Я очень злился на нее в такие моменты. Понятно, что не сразу, но, чтоб прекратить эти, как мне казалось, «необоснованные истерики», я довольно быстро научился скрывать свои возможности. Уже достаточно давно для всех я был подмастерьем-целителем, а в потенциале — магистром-целителем и способным учеником *воды* и *воздуха*, а вот остальные стихии якобы мне не давались. Тренировать их приходилось в глубокой тайне, в основном пассивными упражнениями. Но с гордостью могу сказать, что, несмотря на трудности, остальные мои способности были развиты вполне гармонично.

Так вот, вернемся к Андреасу Германовичу. У меня складывалось впечатление, что он мечтает вывести меня на чистую воду. Тренировки с ним постоянно проходили будто по лезвию ножа. Отбиваться от наставника, как минимум втрое тебя старше и настолько же опытнее, пользуясь лишь «доступными» стихиями, с каждым разом становилось все труднее и труднее.

Вдобавок навалилось и с другой стороны: мне объявили бойкот. Часть нашего потока по осени свалила в традиционную «большую сентябрьскую самоволку». Мы с Митькой в ней не участвовали, потому что за это можно было конкретно огрести, вплоть до отчисления, а за нас, сирот, вступиться давно уже некому. А нас позвал на чай Евгений Александрович. За время каникул, которые мы теперь были вынуждены проводить в интернате, он часто приглашал на чай то меня одного, то нас обоих. Признаюсь честно, мне очень льстило его внимание. Все-таки мы с братом были еще детьми, и нам не хватало взрослого участия и одобрения. Даже просто потрепаться ни о чем с кем-то посторонним, кроме брата, было приятно, а уж собеседником Евгений Александрович был великолепным. Немного пикантные истории из жизни великосветских львов и львиц, рассказы о путешествиях, обсуждения новых фильмов и книг: казалось, не было ни одной темы, где бы он «плавал». Его интерес к себе я приписывал обычному человеческому сочувствию и, чего уж скрывать, своим выдающимся способностям в силе исцеления. Были даже мысли попросить его дальнейшего покровительства, но тут принимать решение в первую очередь должен был мой брат, как старший оставшийся в роду мужчина. В общем, ожидался приятный вечер в приятной компании.

Митька возился с домашним заданием и пойти не смог, а я побежал вприпрыжку. А потом закономерно попались самовольщики. История получилась громкая, некрасивая, с вызовом родителей — не последних людей в нашем городе, публичной моральной поркой и выговором в личном деле, что, кстати, является совсем не слабым наказанием в империи, так как сразу понижает индекс лояльности всей семьи наказанного. И угадайте, кого назначили виноватым в поимке? Конечно, мелкого, который чаевничал с завучем как раз накануне.

В мою невиновность не поверил даже Митька. Нет, стучачком он меня, конечно, не считал, но вот в том, что я мог случайно проговориться, не сомневался ни секунды. Это я-то, свято оберегавший всегда все семейные секреты, служивший хранителем всех окрестных детских и взрослых тайн... Ни хрена себе заявочки!

Хуже того, такие ситуации стали возникать регулярно, не одна и не две, и всегда возникала возможность меня обвинить. То я с библиотекарем шушукался (а вы часто кричите в библиотеке?), то около преподавателей терся (а как еще учиться-то?). В общем, толпа нашла виноватого и травила со всем прилежанием. Все вещи приходилось постоянно прятать, а самому передвигаться по темным местам исключительно в светлое время суток короткими перебежками по зеленым свисткам.

На фоне этой травли состоялся мой перевод из соседнего армейского госпиталя в общественную городскую больницу. В училищах-интернатах для одаренных практиковалась ранняя специализация на основе направления дара. Поскольку я уже в десять лет благодаря учебе у матери знал основы целительства и собирался развивать именно его, меня сразу прикрепили к медучреждению, где я три-четыре раза в неделю работал после уроков. Никакой халавы и послаблений. Научили какому-нибудь действию, приняли зачет — и вперед, отрабатывай до посинения на больных да раненых. Но если до этого я работал пусть и в спартанских, но, как оказалось, вполне себе тепличных условиях прикрепленного к нашему училищу госпиталя, то теперь меня, как кутенка в воду, бросили в водоворот медицины для бедных.

Тут надо пару слов сказать о медицине вообще. Так вот она здесь реально другая! Появление магии сыграло с человечеством странную шутку: обычный уровень медицины развился где-то до уровня шестидесятых-семидесятых годов нашего мира, но есть отдельная каста целителей, которые творят чудеса. Там, где неодаренный просто не возьмется за больного, магистр исцелит прикосновением, мастер справится за пару недель, а подмастерье вроде меня — позволит дожить до квалифицированной помощи. Другое дело, что целители — товар штучный, обладают особыми талантами и требуют длительного обучения. А еще те, у кого такие способности есть, не всегда хотят развивать именно силу *жизни*, ведь в комплекте с ней обычно идут *вода* или *воздух*, которые тоже весьма ценятся.

Вот и получается, что настоящих целителей не хватает, да и берут они за свою работу немаленькие суммы, а иначе как

бы мать, не имея доступа к нашему наследству, смогла бы нас пристроить в одно из самых дорогих и престижных заведений Москвы, работающих с одаренными. В своей части она была единственным одаренным целителем на многие-многие километры вокруг, включая два средних по размеру городка. Слава богу, частную практику параллельно службе ей никто не запрещал, знай только налоги отстегивай. Может, именно поэтому она и осела в таком захолустье: все-таки пробиться в большом городе было бы посложнее.

Даже начинающий целитель может заменить кучу дорогостоящего оборудования, поэтому меня быстро взяли в оборот. Я и ассистировал на операциях, поддерживая пациентов своей *силой*, и работал в реанимации. Заменял вечно не работающий рентген. Проводил первичную диагностику вместо пьяных врачей. Только мой огромный резерв позволял хоть как-то держаться на ногах к концу дня. И все равно его на всех не хватало. Вдобавок многие пациенты как-то прознали о моем статусе и стремились попасть на лечение именно в мою смену. И уж совсем никто не вспоминал про ограничения на труд несовершеннолетних.

Вот и получилось, что мои однокурсники воспринимали практику как интересное приключение, я — как тяжелую обязанность. Стоит ли удивляться, что вскоре я прослыл не только стукачом, но и нюней и нытиком.

Вот на фоне этой распрекрасной жизни и развернулось мое противостояние с Андреасом. Наши индивидуальные занятия проходили два раза в неделю, когда у меня не было больничной практики. Хотя со мной почти никто и не разговаривал, из шушуканий парней я разобрал, что они в основном занимаются медитациями, какими-то духовными практиками, попытками сродства со своей стихией. У меня же все было не так. По сути, каждая моя тренировка была избиванием с элементами садизма. Я должен был защищаться от атак Андреаса, что почти всегда заканчивалось одинаково. Его молнии были очень точны и наводились каким-то образом на скопление магии. А где у человека скопление магии? Правильно, в источнике. Попадая под этот прием, я обычно какое-то время сопротивлялся, отбиваясь куцыми

щитами доступных мне *воды* и *воздуха*, но неизменно оказывался в лазарете. И так по кругу.

И вот я, такой молодой и красивый, в очередной раз стою напротив наставника и чувю, что мне конец. И не зря. Только что мне удалось поймать его на уловку, продумываемую мной весь последний месяц, и гада неслабо приложило собственной техникой. Второй раз этот номер не пройдет. Поток жара мгновенно высушивает остатки водной ловушки, так аккуратно выстраиваемой мной вокруг учителя, а новая цепь молний, сорвавшаяся с рук Андреаса, достает меня в прыжке и сбивает на пол. Но на сей раз мой мучитель не отпустил технику, а с самым садистским выражением лица продолжал удерживать. Речь пошла уже не о защите, а о банальном выживании. Я начал судорожно собирать доступные мне резервы, но очередная молния попала точно в сосредоточие источника и привела к катастрофе. Собранная для защиты сила понеслась по каналам в теле, выжигая их, превращая в пепел, отзываясь невыносимой болью. Теряя сознание, я еще успел заметить испуганное лицо мучителя, склонившегося надо мной, но даже плюнуть в ненавистную морду не осталось сил.

И вот я здесь.

Но хотя воспоминания Егора стали моими, Егором я себя не ощущал. Я все та же старая циничная сволочь с устоявшимся мировоззрением и сложившимся взглядом на вещи. Правда, чувствовать себя молодым и почти здоровым гораздо приятнее, чем старым и больным.

Пока я утрясал воспоминания двух своих ипостасей, проснулся мужик, который меня караулил. Теперь я знал, что это Егоркин персональный охранник Григорий, приставленный к нему на время выходов в город. Бывший гвардеец императора, тяжело раненный в одной из стычек, стал не годен к службе и работал при лицее. После перевода Егора на практику в муниципальную больницу бывшего вояку прикрепили к нему для охраны и помощи. Днем он отводил мальчишку на место, а вечером притаскивал обратно, частенько прямо на руках. За месяцы, проведенные вместе, Егор и Григорий не то чтобы подружились, но научились вполне

сносно сосуществовать. Егор потихонечку подлечивал отставника, а Григорий ненавязчиво оберегал его от различных неприятностей, которые Егор по малолетству просто не замечал.

Так, стоп. Это я теперь Егор. Нельзя даже в мыслях думать как-то иначе.

Григорий внимательно меня оглядел и с деликатностью, которую трудно заподозрить в таком медведе, спросил:

— Как вы, Егор Николаевич? Доктор велел вам не вставать. Может, утка требуется? Я мигом принесу.

И с проворством, мало ожидаемым для такой туши, соскочил со стула и бросился в угол палаты, где на полу стояло приготовленное судно. Во время помощи в таком нужном деле Григорий стал отвечать на незаданные вопросы:

— Ох и испугали вы всех, Егор Николаевич. Валялись недвижно аж три дня, как есть покойник. Брат ваш, Дмитрий Николаич, дважды в день прибегал справляться о вас. А уж начальство почти ежечасно бывает, все ждут, как очнетесь. Мне строго-настрого велено сразу же бежать на доклад, в любое время суток. А уж Андреаса-то проклятого завуч наш по залу прямо и размазал. Лежит теперь супостат в соседней палате, про зубы новые мечтает.

Нехитрая шутка вызвала у меня улыбку.

— Ну вы тут лежите теперь спокойненько, а я за доктором побежал, да и Евгению Александровичу быстренько доложу. А потом снова у вас буду.

И, обиходив меня, Григорий резво выскочил за дверь.

А я привычным для Егора усилием обратился к своему источнику и... замер.

Источника больше не было; совсем!

Там, где всегда приветливо мерцала разноцветная звезда моей силы, царил разгром. Выбитые зубы Андреаса больше не казались мне смешными. Хотелось встать, пройти в соседнюю палату и медленно убивать моего врага. Да-да, именно врага, так как то, что он сделал, не может остаться неотомщенным. Даже просто срыв источника стал бы большой проблемой, но полное его разрушение — это конец всему! По сути, он лишил меня будущего.

Эта чухонская сука лишила меня магии!

Пока я раздумывал над приемлемыми способами умерщвления врага, в палате появились новые действующие лица.

Первым примчался наш интернатский доктор, Михаил Игнатьевич. Этот человек был глубоко уважаем Егором, являясь вторым, после матери, наставником в мастерстве врачевания. И пусть его источник не шел ни в какое сравнение с бывшим моим-Егоровым, но его опыт позволял ему претендовать на звание мастера-целителя.

Ворвавшись в палату, он принялся творить привычные манипуляции над моим телом, параллельно забалтывая меня:

— Ну, здравствуй, Егор. Что-то ты ко мне зачастил последнее время, понравилось, что ли? Так лучше бы просто так на чай приходил: что я, для тебя варенья пожалел бы...

Тут Михаил Игнатьевич запнулся на полуфразе и повернул ко мне белеющее на глазах лицо. Это его диагностика показала то, что я и так уже знал.

— Как же так, Егор?.. Как же так? — как заведенный повторял он.

Тяжело осев на освобожденный Григорием стул, доктор с жалостью смотрел на меня.

— Как же так, Егор?.. Как же ты теперь?..

Трясущимися руками Михаил Игнатьевич снова скастовал диагностику. Она показала то же, что и раньше, — полное отсутствие *силы* во мне. Как ни странно, но я по-прежнему видел магию, несмотря на отсутствие источника. Видимо, эта способность как-то уцелела.

Не в силах поверить очевидному, доктор снова и снова что-то кастовал, но чуда не происходило.

— Хватит, Михаил Игнатьевич, так вы совсем без сил останетесь, — пришлось вмешаться мне. — Я уже и так все знаю.

Ссутулившийся доктор закрыл руками лицо и стал раскачиваться на стуле. Но вдруг встрепенулся и закричал:

— Я этого так не оставлю! Я дойду до его величества! Егор, ты только не отчаивайся, мы что-нибудь придумаем!

— Чем же мне император-то поможет, Михаил Игнатьевич? Вы же знаете: такие повреждения либо восстанавливаются сами, либо нет. И наука их пока не научилась лечить. Тут даже лучшие целители бессильны.

И это было правдой. При всей своей магии целители могли воздействовать только на физическое тело пациента, потому-то и лежала моя мать уже год в коме, что ее источник уснул. Потому-то и бесполезны мне были любые целители, хоть продайся я со всеми потрохами в какой-нибудь клан для оплаты лечения.

— Как же так, Егор?.. Как же так? — опять запричитал доктор.

Во мне стало глухо ворочаться раздражение.

Что ж вы, суки, раньше-то не спохватились? Угробили пацана, а теперь причитаєте: «Как же так, как же так?» — А вот так! Каком кверху! А ведь Егор и к тебе, старый козел, прибегал. Плакался, что нагрузка непосильная, да и наставник лютует. Только что ты ему тогда сказал? — «Надо потерпеть, Егорушка. Тяжело в учении — легко потом». Очень парню это, мля, помогло. А теперь убиваешься, старый хрен. А вот выкуси! Жил я шестьдесят лет без магии, и сейчас проживу. И хоронить меня раньше времени не надо. А то ишь, распереживался он тут, видите ли!

Тем временем в палату явился завуч, собственной персоной. Егоркино сердечко привычно радостно встрепенулось, но тут же заглохло, придавленное моей волей.

Ну а ты что теперь мне пропоешь, дятел долбаный?

В отличие от Егора я не испытывал никакого трепета перед этой красивой седовласой сволочью. На его одобрение мне было откровенно начхать, а теперь еще и в морду хотелось дать.

Видимо, что-то такое на моем лице отразилось, так как завуч явно поперхнулся заготовленными словами. Свирепое выражение лица доктора тоже не оставляло надежды.

— Егор, ты только не переживай, — зачастил Евгений Александрович в несвойственной ему лебезящей манере. — Все восстановится, вот увидишь...

Ты это, голубь мой, кому заливаешь? Мне?! Будущему медику?!

— Ты, главное, пока не волнуйся; вот увидишь, все наладится. Учиться пока будешь как прежде, с ребятами, а с твоим источником мы что-нибудь придумаем.

Он продолжал и продолжал что-то тарыхтеть, пока не начал повторяться, а я мучительно пытался понять, что же эта ситуация мне напоминает.

Точно, мля, это ж гребаный «Хогвартс» и директор его — добрый дедушка Дамблдор!!! Ё-мое, это ж я теперь — долбаный сквиб, получается! А очочками ты, дедушка, посверкиваешь неубедительно! Двоечка тебе, сука очкастая.

Как постоянный пользователь Интернета, я в свое время не мог пройти мимо Поттеромании. Творчество как самой мамыши Роулинг, так и ее последователей скрасило мне немало вечеров. И самым моим глубоким впечатлением от саги было и есть желание превентивно расстрелять всех взрослых, описанных в магической и немагической Британии. То раздолбайство, что там происходило, мой мозг отказывался воспринимать адекватно, да простят меня все любители Поттера и Ко.

Надо сказать, что Евгений Александрович абсолютно не походил на канонного дедушку Дамблдора. Стильно одетый, даже со сна выглядящий вполне импозантно, он ничуть не напоминал внешне чудаковатого директора из сказки, но меня уже понесло, и мозг начал наклеивать ярлыки на все происходящее.

Мадам Помфри что-то, сука, плохо выглядит: видать, сильно изменилась за лето... Зато Хагрид точно как в книге. А вот Снейпушку я еще навещу, припомню Гаррины слезки. Ты, мля, еще не знаешь, на что способен старый злобный подполковник. У тебя, дятел, фантазии такой нету...

Как я мог бы навредить в этом хилом теле Андреасу, я пока не знал, но собирался придумать.

Мои собеседники тем временем успели поругаться, видимо продолжая уже не раз начинавшийся спор.

— Как же вы собираетесь убирать причиненный вред, Евгений Александрович? Это ведь не насморк все-таки! Ваш протеже перешел все границы, вы ведь мне обещали, что все будет под контролем! — кричал, распаляясь, доктор.

Ну-ка, ну-ка: а вот с этого места — поподробнее... Что там и кто кому обещал?..

Заметив мой интерес, завуч осекся на полуслове.

— Михаил Игнатьевич, сейчас абсолютно не время для такого разговора, мы утомляем Егора. Егор, — обратился он уже ко мне, — ты сейчас просто поправляйся и набирайся сил. Как бы дальше ни сложилось, мы тебя в обиду не дадим. Если будет нужно, я похлопочу, и вас с Дмитрием примут в мой клан. В любом случае сейчас еще рано говорить о прогнозах, так что пока не о чем волноваться.

С этими словами он подхватил под локоть набирающего воздух для какой-то реплики доктора, и буквально вытащил его из палаты.

Волноваться действительно не о чем. Нет источника — нет проблем. Что-то тут явно сдохло и воняет.

Мне резко захотелось, как Гаррику в пятой книге, сотворить стихийный выброс и разгромить все в комнате. Только вот беда, стихии меня больше не слышали, да и громить по большому счету в палате было нечего.

Обыдна...

В палату бочком прокрался Григорий, и я в который раз поразился его звериной грации. Каждое движение было плавным и точным, словно он не шел, а танцевал.

Не о том думаешь...

А подумать было о чем. Это только Егор, как Гарри Поттер, мог думать, что завуч не в курсе происходящего. А вот я был уверен в обратном. Не мог Евгений, сука, Александрович не знать, чем занимается один его протеже с другим. А то, что происходящее с парнем было каким-то образом на руку завучу, — и ежу понятно. Иначе бы он предпринял какие-то меры после жалоб пацана. Все-таки училище было под юрисдикцией ЕИВ, и директором его числился какой-то член императорской фамилии. ЧП в таком заведении сильно ударит по репутации нашего драгоценного начальника: значит, что-то другое было в его планах.

Может я, мля, избранный?.. Счаз, суко: выдадут мне волшебный девайс и отправят штурмовать злого колдуна-Волдеморду с Гермионой наперевес? Только с Гермионами тут напряженка: училище-то мужское. А на роль Рона подойдет мой братец или нет?..

Опять не о том думаю...

Значит, принимаем как данность, что наш завуч что-то крутил насчет Егора. Только вот пережали они с Андреасом, и пацан сломался, иначе бы меня здесь не было. Светлая тебе память, Егорка. Я за тебя отомщу всем этим сукам.

Что бы ни обещал мне сейчас этот местный Гендальф, соглашаться нельзя. Во-первых, берем за аксиому, что добра он мне не желает. В чем бы ни заключалось это абстрактное добро, не может оно начинаться с того, что сироту-малолетку калечат.

Во-вторых, я, как ни крути, все-таки не Егор. Буду вести себя несоответственно возрасту, обязательно проколюсь с какими-нибудь словечками или знаниями из прошлой жизни. Наверняка у них тут дела на всех заведены, и все психологические портреты там прописаны: будущая элита государства как-никак; а тут я, такой красивый...

В-третьих... впрочем, хватит и первых двух.

А теперь — что я могу.

А ничего я, мля, не могу.

Денег... нет, и до совершеннолетия Митьки не будет, что-то там дед навертел с завещанием. Да и не факт, что мне что-то обломится, все-таки наследник — не я. До маминых финансов мне тоже не добраться, пока она в коме. И там вряд ли густо, ведь мать как чувствовала — заплатила за наше с братом обучение до конца после особо удачного дела: исцелила какую-то шишку из Генштаба, подробностей не знаю, все-таки врачебная тайна есть и здесь.

Да и не хочется мне начинать свой путь здесь с ограбления матери Егора. Как-то это совсем по-свински будет. Мать Егор искренне любил.

А вообще, как-то все в цвет завучу складывается: и денег у нас нет, и вступить за нас с Димкой некому, и находимся мы у него полностью под колпаком. Надо бы еще узнать, не имеет ли он какой-то лапы в мамином госпитале: слишком уж удачно для него она из комы не выходит...

Тут я вынужден был прервать свои размышления, так как в палату заглянул Митька, брательник мой, собственной персоной, с завтраком на подносе. Завтраку я обрадовался, а вот Митьке — не очень. О чем мне разговаривать с четырнадцатилетним пацаном, не уберегшим младшего брата, было совсем непонятно. Хотя что он мог сделать в этой ситуации?

Разве что поддержать, когда все отвернулись от Егора. Да он вроде так и делал, хотя и считал, что Егор сам виноват.

Брат аккуратно передал поднос подскочившему Григорию, а сам уселся на кровать.

— Горка, прости... — Вдруг этот здоровенный парень скривил совсем по-детски лицо и заплакал. — Не слушал тебя, не уберег...

Это был не мой брат. Я был у своей матери единственным сыном, а после ее смерти в моем мире у меня не осталось никакой родни. Но этот мир сделал мне такой подарок. Я помнил, как этот мальчишка учил меня кататься на велосипеде, как с палкой в руках защищал от бродячих собак, хотя сам боялся их до жути. Я помнил, как мы сидели рядом с дедом у камина, слушая его истории, как мама укрывала нас одним одеялом на двоих, потому что я отказывался спать отдельно. Это нас с ним застала гроза в поле, и он повалил меня на землю, закрывая от молний и града своим телом. Целый пласт воспоминаний всколыхнулся с его приходом. В горле встал комок, а глаза предательски защипали.

Кто я такой, чтобы отказываться от такого дара?

И я обнял этого мальчишку, от которого пахло моим детством, которое я украл у другого ребенка. Я гладил и утешал его, и плакал с ним сам.

Григорий опять проявил деликатность и оставил нас вдвоем.

Сентиментальный порыв у меня быстро прошел, и я шепотом начал торопливый инструктаж:

— Митька, тут что-то нечисто. Ты, главное, сейчас у завуча ни на что не подписывайся, какие бы золотые горы ни обещал. И еще — верь мне, Митька, что бы ни говорили. Мы ведь с тобой братья.

— Гор, ты что задумал? — таким же порывистым шепотом спросил меня брат.

— Еще не знаю, Митька, только здесь мне оставаться нельзя, изведут меня завуч с Андрейкой тихой сапой. Что-то они мутят, но вот что — понять не могу. Может, к дедовым тайнам подобраться через нас хотят, может, еще что... Скользкие они какие-то. Ты хоть теперь-то веришь, что я не врал

про Андреаса? — Я пытливо заглянул в такие не похожие на мои, но такие родные глаза.

— Прости, Горыныч, теперь верю.

— Вот и помни об этом, если завуч с Андрияшкой к тебе подкатывать будут. Не по пути нам с ними.

— А как же ты, брат? Что теперь с тобой будет?

— Все нормально будет, не бойся за меня. Мне теперь сам черт не страшен. Отбоюсь я свое. Ты только помни, что они меня не пожалели и тебя так же могут. Не верь им...

Наш разговор прервали. В палату заглянул Григорий:

— Дмитрий Николаевич, пора вам. Скоро завтрак закончится, все на занятия пойдут. Идите, я Егора Николаевича сам покормлю. Идите, а то не ровен час хватятся вас, греха не оберетесь.

Митька с тоской глянул на меня.

— Побегу я, Егор, вечером еще загляну, ты только держись, не раскисай.

— Не буду, Митька. Сам слезы подотри, я еще не умер.

— Вот и не умирай!

С этими словами Митька соскочил с моей койки и унесся в направлении ученического корпуса. А Григорий взял поднос и собрался кормить меня завтраком.

— Ну ты уж инвалида-то из меня не делай, с завтраком я и сам справлюсь.

Я перехватил у Григория поднос и сразу же чуть не спалился. По привычке взял ложку в левую руку. Пришлось делать вид, что правой поправляю тарелку. Разносолами меня не баловали — жиденький бульончик и водянистая каша притворялись моей едой. Желудок недовольно заурчал. Пришлось пообещать ему что-нибудь посытнее в будущем.

Слабо заваренный чаек заполировал это продуктовое изобилие, и мой персональный нянь понес посуду на мойку. А я опять остался со своими веселыми мыслями наедине.

А ведь про деда я, может, и не зря ляпнул. Дед-то наш непростым человечком был. Как-никак постельничий самого государя! Правда, предыдущего, но в кухне придворной поварился нехило. А учитывая продолжительность жизни местных аристократов, вполне может быть, что компроматик, собранный им, до сих пор не протух. Наоборот, те, кто

тогда юнцами бегали, сейчас в самую пору вошли, главами кланов-родов стали. Не зря дед бирюком жил, ох не зря.

Может все это быть интригой ради дедова наследства?

А черт его знает. С одной стороны, вроде все в цвет: ради меня Митька может пойти под какой-нибудь клан на условиях передачи дедова архива. А с другой стороны, как-то все слишком сложно. Можно было и просто к Митьке подкатить, запудрить мозги, наобещать золотых гор. Много ли пацану надо... Да, в конце концов, просто отобрать. Хотя Митька в будущем маг не из последних станет. И хоть дар у него послабее моего, зато боевого направления. Такого попробуй скрути.

Смешно. Теперь брату нечему завидовать. Теперь его резерв всяко больше моего.

Опять не о том думаю.

И все-таки версия так себе. Андреас, сука, чего-то другого добивался. Прибить-то меня или искалечить он куда как проще мог.

Что-то он, гад, про мой источник знал. И тут все упирается в маменьку, Диндилю свет Дамировну. Ну и имечко... И хоть в крещении приняла она имя Дарьи, иначе чем Диндилей дед ее не называл. Чем-то она насолила крепко ему. А может, наоборот, уважение он ей так выказывал. Кто его, старпера, разберет, всегда себе на уме был.

Только с матерью придется погодить. Тут самому бы ноги унести, да так, чтоб на Митьке не отыгались. А в госпиталь мне теперь дорога заказана, там Залесский меня мигом поймает.

Так я и лежал, перебирая варианты почти до самого обеда. Изредка в палату заглядывал Григорий, уточняя, не надо ли мне чего-нибудь. Часов в одиннадцать в коридоре раздался топот шагов, закончившийся грохотом в соседней палате. Неприятная ломота в зубах указала на включение какого-то блокирующего магию артефакта. Увы, другие признаки применения дорогушей игрушки были мне теперь недоступны. Короткая возня за стенкой и наступившая тишина яснее ясного показали, что одним соседом у меня стало меньше.

Я даже не знал, хорошо это или плохо для моих планов. С одной стороны, поквитаться с Андреасом очень хотелось

самому, но вот что я ему реально смог бы сделать в своих обстоятельствах — большой вопрос.

Решив, что увели его явно не в кондитерскую конфетами угощать, я немного позлорадствовал и выбросил гада из головы.

Я подумаю об этом завтра... если буду жив...

Еще через пару часов основные вехи плана были намечены, осталось только дожидаться ночи.

Как медленно тянется время, если нечем себя занять...

Визит притихшего доктора. Фальшивые слова ободрения. Успокаивающее в правую ягодицу.

Обед.

Тихий час.

Полдник.

Опять сон до самого ужина.

Ужин в компании Митьки. Обмен незначительными фразами и тоска в глазах. Все он понимал, мой брат.

Вечерний визит доктора.

Общеукрепляющий укол со снотворным в левую половину задницы.

Черт! Мы так не договаривались.

На неудобном стуле возле койки опять стал пристраиваться Григорий. План начал трещать по швам. Оглядев палату в поисках тяжелого предмета, понял, что единственный вариант — стул — занял сам Григорий. Другие варианты не придумывались. Начало действовать снотворное. Не стал сопротивляться, уснул.

Примерно в два ночи резко вышел из сна и наткнулся на внимательный взгляд личного надзирателя.

— Егор Николаич! Возьмите меня с собой! Вам потребуется помощник.

Ни хрена себе заявочки!

«Возьми меня, я тебе пригожусь...» Нет, там наоборот было: «Отпусти меня, я тебе пригожусь...»

Внимательно смотрю на своего визави и держу театральную паузу.

Молчи, за умного сойдешь.

А я ведь ничего, в сущности, про этого товарища не знаю...

— Егор Николаич! Нешто я не разумею? Нельзя вам тут оставаться, да токмо не сможете вы без помощника. Вы ж ни жизни городской не знаете, ни людёв. А я и с деньгами помогу, и с ухоронками. Вы ж меня, считай, на этот свет вытянули. Я ж теперь как человек хожу, а не как калека какой-то. Вы мне помогли, теперь мой черед добром отплатить.

— А ты разумеешь — (вот прилипло словечко!) — Григорий, что обратного хода не будет? Я сюда не вернусь.

— Разумею, Егор Николаевич! Да токмо я ж вам заместо пса буду. В ногах спать буду, сон стеречь, токмо не гоните. Не сдюжить вам одному никак.

Фанатичный блеск в глазах бывшего гвардейца пугал. А с другой стороны, есть за что ему благодарить Егорку. Мало-помалу, но точечные целебные воздействия почти каждый день на протяжении полугода подлечили Григория. И если в сентябре еще его должны были мучить нехилые боли, то сейчас его состояние было заметно лучше. До полного выздоровления было еще далеко, но и инвалидом, как раньше, гвардеец себя не должен был ощущать.

Адекватный взрослый на моей стороне закрывал много белых пятен в моем плане.

— Хорошо, Григорий! Тогда помоги мне вот в чем: мне нужна обычная одежда, лучше бы не моя. Харчи нужны. И деньги из моей куртки. Ты сейчас иди, найди все, а часа через два жди меня в саду на заднем дворе. У тебя ведь есть ключ от калитки?

— Есть, как не быть. Только вы, Егор Николаич, поклянитесь, что не уйдете без меня.

— Клянусь, ей-богу клянусь. — И я перекрестился.

Григорий тенью выскользнул из палаты.

А я, кряхтя, как пенсионер, встал с койки. В стенном шкафу нашлась моя повседневная одежда, в которой меня, видимо, притащили сюда, и, главное — нормальная обувь. Сбегать в ночь босиком мне не улыбалось.

Минуты текли, как песок сквозь пальцы, но я помнил старую мудрость: «Торопиться — это делать медленные движения без перерывов».

Поехали.

Раз: из мусорного ведра в углу палаты извлекается пара использованных доктором перчаток. Да, наверняка все будут знать, кто это сделал, но пусть еще докажут.

Два: дверь в процедурную запиралась на смешной замок, поддавшийся обычной гнутой скрепке, замеченной уже давно в щели между досками.

Три: процедурная соединена с кабинетом доктора обычной межкомнатной дверью, даже незапертой; захожу.

Четыре: подхожу к рабочему компьютеру Михаила Игнатьевича, включаю, ввожу пароль, записанный тут же, на обратной стороне клавиатуры.

Пять: пока грузится комп, нахожу в шкафу свою медкарту, складываю ее в найденный пакет.

Шесть: захожу в каталог медданных, запускаю поиск по своей фамилии. Из архива вытаскиваю данные первого попавшегося курсанта. Меняю свои данные на другие.

Семь: чищу логи, затираю следы как могу.

Восемь: выключаю комп, аккуратно удаляюсь тем же путем.

Девять: отключаю в щитовой автомат, питающий сигнализацию. Пришлось повозиться.

Суки, я десять лет в безопасности банка отработал. Здесь вам — не там.

Десять: по служебной лестнице поднимаюсь на административный этаж, обходя хаотично натыканные сигналки, благо способность видеть *силу* осталась при мне.

Одиннадцать: запасным ключом уборщика, традиционно спрятанным под горшком герани в коридоре, открываю кабинет завуча, аккуратно пролезаю под очередной сигнальной нитью.

Двенадцать: не торопясь обыскиваю стол Залесского, пароль находится на стикере под столешницей.

Боже, храни идиотов.

Тринадцать: загружаю комп, копирую информацию на найденную флешку, затираю следы.

Четырнадцать: зависаю перед дверью сейфа — в сейфе торчит ключ. За такое везение явно придется чем-то заплатить. Аккуратно осматриваю все на предмет сигналков. Чисто.

Боже, ты — есть.

Пятнадцать: в сейфе пусто, если не считать тощей пачки купюр. Складываю в пакет.

И то хлеб.

Шестнадцать: стою перед дверью в архив и очкую. Ключи из ящика стола Залесского подошли. Набираю побольше воздуха: щелчок замка...

Семнадцать: забираю пухлую папку своего личного дела, просмотрев попутно другие документы.

Восемнадцать: до назначенного Григорию срока остается десять минут. Стою у окна, вглядываясь в темноту двора. Ветка шевельнулась. Тень соткалась в мрачную озирающуюся фигуру.

Девятнадцать: Милославские или Лопухины? Лопухины или Милославские? Решка монеты решает мою судьбу. Крутится диск телефона правительственной связи.

Двадцать: вылетаю навстречу Григорию на задний двор:
— Ходу, уматываем!

Две фигуры, маленькая и большая, растворились в лабиринте улочек старой Москвы.

ИНТЕРЛЮДИЯ ПЕРВАЯ

Тихон Сергеевич Милославский, как и многие пожилые люди, спал чутко. Поэтому пиликанье своего личного телефона услышал сразу. Сердце замерло: номер был известен лишь нескольким людям, а время звонка навевало беспокойство. С хорошими новостями в такое время не позвонят.

Номер абонента не определялся, что говорило либо об использовании правительственной связи, либо о некоторой подготовке звонившего.

— Спишь, Тиххоня?.. — прошипели в трубку. — Мышей не ловишь...

От ужаса волосы встали дыбом. Говорившего давно не было на белом свете.

— Т-т-ты?!

— Хорек. Фейерверк. Беляш. Одиннадцать. Код шесть, время два. Училище Святого Михаила. Опыты над одаренными. Залесский, Скинкис, Рюмин, Бодров. У тебя здесь, кажется, два внука учатся?.. Время пошло...

Зловещий шепот стих, раздалась короткие гудки.

Несколько слов перевернули привычную картину мира. Не каждый день (ночь!) тебе звонит покойный учитель и сообщает о заговоре. В другой момент Тихон Сергеевич мог бы и не принять всерьез такой звонок, начать расследование, но уж очень хорошо вписывалась полученная информация в текущие события. Что-то такое происходило в империи. Не-хорошее. Но все ниточки постоянно ускользали, рвались, терялись. Прокрутив полученные сведения и так и сяк, Милославский решил поверить и начать действовать.

Да и внуки... Никто, даже их отец, не знал, куда спрятал их дед. Цепочка подставных людей, много-много наличных — и в училище поступают два неприметных паренька. Рода не высокого, но и не низкого. Не золотая молодежь, но и не голытьба подзаборная. Учатся себе без проблем, на каникулы к папе-маме ездят.

Если заговорщики узнают, кем приходится Милославскому Юрий и Андрей, — парням несдобровать. От таких заложников не отказываются. Впору пожалеть, что не отправил их, как изначально собирался, в Киев. Поддался собственной слабости видеть их хоть изредка и издалека.

Ну что ж, зря мятежники выбрали именно это училище. У главы Безопасного приказа было два часа, и он не упустит больше ни минуты.

— Антон! Маскировку включить! Максим, срочно поднимай людей по второму тревожному списку! Матвеева ко мне в кабинет! Антон! Машину к дверям гаража! Уедем через тоннель. Пошевеливайтесь, черти! Время дорого.

В особняке на Лиговке завертелась суeta, но сторонний наблюдатель вряд ли что-нибудь заметил — заработавшая маскировка скрывала и свет, и шум, и движение.

ИНТЕРЛЮДИЯ ВТОРАЯ

Дверь в камеру отворилась беззвучно, но заключенный все равно поднял голову и уставился на вошедшего.

— Евгений Александрович! Ей-богу... — начал оправдываться он.

Посетитель без слов зарядил узнику прямой в нос.

— Ты, урод, понимаешь, что почти сорвал нам все дело?! Я на одни только поиски несколько лет потратил, а ты!!!

Мощная затрещина сбила заключенного с ног. Пинки посыпались на лежащего.

— Я тебя, чухонская шваль, подобрал, отмыл, приодел. К делу приставил. Тебе ведь надо-то было всего попрессовать мальчишку, чтоб он у меня крепче на крючок сел. Тварь!

— Евгений Александрович! Клянусь, и в мыслях не было! Как помрачение нашло!

В жалком человечке, ползающем перед раскрасневшимся Залесским, трудно было узнать всегда надменного Скинкиса. Андреас схватил Залесского за ноги и, рыдая, стал умолять:

— Пощадите, Евгений Александрович! Вы же знаете, я не хотел. Пощадите!.. Я ведь все для вас!.. Отработаю!.. Пощадите!!!

Настроение у Залесского медленно поползло вверх. Определенно, стоило зайти сюда после тяжелого дня.

— Нужен ты больно... убивать тебя еще... А отработать придется. — Слова еще перемежались пинками, но уже лениво, без запала. — Сегодня еще отлежишься, а завтра архив начнешь чистить. Нам с союзничками сегодня по пути, а завтра разойдемся. А наработками я делиться не собираюсь. Перебьются.

Андреас отполз от хозяина и привалился спиной к стене. Размазывая рукавом кровь по лицу, он внимательно слушал и кивал как заведенный.

— Из камеры пока тебя не выпущу, сиди здесь, чтоб нико-му глаза не мозолить. Архив сюда принесут.

— А с мальчишкой что теперь? — осторожно поинтересовался Скинкис.

— Не твоя забота. Потом, когда заварушка начнется, по-тихому провернем все. Может, и получится еще, вроде бы все на кровь, а не на *силу* завязано. А там — концы в воду. Был мальчик, не было... Без этой гнилой крови мир только чище станет.

— А брата его?

— Вот с чего ты решил, что умнее всех? Давно уже проверили его брата. *Брата!* Тьфу! — Залесский такой интонацией выделил слово «брат», что объяснять ничего не понадобилось.

Андреас, поняв, что убивать его пока не будут, несколько расслабился.

Евгений Александрович тоже заметно успокоился и уже ничем не напоминал разъяренного зверя, каким казался в начале визита. Оставив Скинкиса зализывать раны, завуч поднялся из каземата наверх, шагнул было в сторону административного корпуса — поработать, но плюнул и пошел к себе на квартиру. День был тяжелый, а утром надо быть в форме. Продержаться бы оставшуюся пару недель без происшествий...

ГЛАВА 2

Я лежал на тюке с какими-то тряпками, слушал мерное постукивание колес и насвистывал прилипчивый мотивчик про полковника Васина. Трудно быть в нашем мире однофамильцем данному персонажу, да еще и подполковником, и не знать эту песню. Слава богу, армейская карьера завершилась до ее выхода, а то от шуток сослуживцев прохода не было бы. Хотя как раз в Пугачеве у курсантов в первый раз ее и услышал. А уж как могут доводить курсанты, скажет вам любой преподаватель.

Поезд тихо ехал в Баку, настроение было отличным — первая часть смётанного на коленке плана оказалась выполнена на все сто процентов, а может, и больше. Газеты, принесенные проводником, скрашивали вынужденное безделье.

Ни на что не надеясь, принялся листать «Московские известия» — и вот она, моя награда. Уже на третьем развороте: ушел из жизни, бла-бла-бла, скорбим и помним, бла-бла-бла, не забудем — не предадим... и фото Залесского в траурной каемочке. Оперативно сработал Милославский.

Каюсь, когда набирал номер, вдолбленный дедом в детскую память Егора, и вспоминал пароль, который фигурировал в рассказах на ночь, поджилки тряслись, как у зайца.

А вдруг дед просто развлекал нас байками, ничего не имеющими общего с действительностью?.. Но потом подумал: а что я теряю? Ну окажется это каким-то левым номером, подумает человек, что его разыграли или ошиблись. Потеряю три минуты времени. А вот если это и вправду окажется телефон Милославского, то бонусов я извлеку из этого немалое. Даже если пароль — липа, глава Приказа заинтересуется хотя бы потому, что речь пойдет о его внуках.

О внуках догадался еще Егор, но окончательно сопоставил информацию уже я. Благодаря урокам и рассказам нашего героического, как оказалось, деда — кто есть кто в империи, я знал на отлично. Причем не просто так, а с биографией, родней, имуществом и прочими полезными сведениями. Когда другим детям читали «Муху-Цокотуху» (да-да, Корней Чуковский был и здесь!), нас с Митькой знакомили с деяниями значимых фамилий, с полным раскладом по лицам. И надо сказать, было это совсем не скучно. Умел дед ко всем найти подход.

Так вот, возвращаясь к Милославским: были у деда и фотки юного Тихона Сергеевича. Это сейчас он старый, бородатый и весь из себя вальяжный, а в молодости был тощим парнишкой с характерным прищуром и фамильной родинкой на шее. И вот на него-то молодого и были страшно похожи два брата со старших курсов. И хоть выдавали они себя за других, Егор точно видел, что родство меж ними и Милославскими — самое близкое. Только Егору не особо это интересно было, в училище многие под чужими фамилиями жили. А вот я нашел, как этот факт использовать к своей выгоде.

Когда перестал трястись, поймал кураж и так точно повторил дедовы интонации, что, похоже, перестарался. Я даже успел подумать, как бы Тихона Сергеевича кондратий на радостях не хватил.

А ведь дед-то у нас круче Бонда, получается, был. Вертелся в этом великосветском гадюшнике да шпионил за всеми. А вечерочком, видимо, царю сказки наподобие наших рассказывал. Чтоб тому спать спокойнее было. Эх, дед, жаль, что тебя больше нет. Ты б такого гадства не допустил бы... Ну хоть за науку спасибо, выручила.

После моего триумфального выступления мы с Григорием метнулись прочь от интерната. Гвардеец ненавязчиво задал направление и привел нас на окраину Москвы, в частный сектор. Почти сутки мы провели в каком-то заброшенном домике, о котором Григорий божился, что его «ни в жисть не свяжут, как есть» с ним. А на следующий день Григорий умотал на разведку, а я остался «на хатке жены деверя троюродного племянника». Подчинившись личной паранойе, тщательно обыскал дом, но ничего не нашел. Вышел во двор, что было строго-настрого запрещено Григорием, осмотрелся. Ничего особенного. Грязная по весеннему времени улочка, покосившийся забор, пустая будка. Задний двор выходил на какой-то вонючий ручей, за которым виднелись поля и длинная петля железной дороги. От скуки перебрал рюкзак, прихваченный Григорием для меня. Добротная неброская одежда, сухпай, отдельно немного денег, но явно не мои — моя нычка была поскромнее. Всё как я просил.

Посидел, подумал. Еще раз вспомнил все, что знаю о Григории. Подумал еще раз. А потом собрал из занавесок узелок, покидал туда часть барахлашка, еду, да и двинулся в сторону «железки». Через полчаса ожидания нужный мне поезд сбавил ход на затяжном повороте. Рывок, прыжок — и вот я уже еду в неизвестность.

Прости, Григорий, но чей бы ты ни был агент, дальше я сам. Больше я никому не позволю управлять собой ни из каких побуждений. Хватит.

Перебираться куда-то по мчащемуся поезду было откровенно стрёмно; пришлось, вцепившись в поручни, ехать на подножке, куда и запрыгнул перед этим. Пока доехали до какой-то узловой станции, страшно замерз, не май месяц-то. На станции долго караулил пассажирский поезд в нужном направлении, стараясь никому не попадаться на глаза. Пассажирский «Москва—Баку» как нельзя лучше подходил к моим планам, так что я рискнул пойти договариваться с проводником. Особо присматриваться было некогда, стоянка занимала всего десять минут, но постарался выбрать самого пройдошистого. Человеком он оказался понимающим, к нуждам народа в моем лице отнесся благосклонно, особенно

подкрепленным портретами мертвых царей. Неистребима тяга простого народа к этому виду искусства. Сказку, старательно сочиненную мной, слушать даже не стал, сразу назвав сумму, чем заслужил мою искреннюю признательность.

Жратва было захвачена с собой в достаточном количестве, а если что — думаю, мой проводник не откажется подзаработать еще копеечку. Развлечь себя смогу сам. Медленно, но верно поезд отдалял меня от Москвы с ее проблемами.

Когда еще в лазарете я раздумывал, куда податься, мне вспомнилась одна книга, сюжет которой похож на мои обстоятельства. Детдомовскому пацану надо было легализоваться, и он бросился в зону межклановых военных действий, выдавая себя потом за сиротевшего ребенка. План действий настолько подходил к моим реалиям, что я не стал ничего придумывать дополнительно, сосредоточившись на деталях.

В настоящий момент на территории империи острых конфликтов не было, но Вовка из параллельного класса хватал, что его отец собирается взять сына на войнушку против отколовшегося рода как раз в первых числах мая. Типа набраться опыта. Разумеется, все это говорилось лишь одному самому доверенному другу, но место было выбрано неудачно, и Егор услышал часть разговора. Тогда ему это было по барабану, а вот мне вовремя вспомнилось. Яблоко раздора — участок на Бакинском месторождении, который попытался вывести ушлый глава рода из-под юрисдикции клана Волковых. Сначала хитромудрым делягам дали время одуматься, но те не воспользовались своим шансом. А теперь клан, чтоб не потерять авторитет, будет вынужден решать этот вопрос силой. Не удивлюсь, если хозяев специально спровоцировали на отделение, чтобы оттяпать лакомый кусочек. Мир другой, а люди те же. А пострадают, как всегда, не только зачинщики, но и мирные люди. Как раз сейчас городок при НПЗ превращается в зону умеренных боевых действий, и вскоре там начнется основное веселье. Все в самый раз: городок небольшой, но и не деревня, где все друг друга знают. Запустить работу нефтеперерабатывающего комплекса будет у нападающих первоочередной задачей, и, я на-

деюсь, на одного мальчишку никто не обратит внимания. Все как обычно: горе побежденным.

Трое суток путешествия пошли мне на пользу. Я наконец-то привел в порядок свои-Егоровы воспоминания и смог понять, чего же я хочу в итоге. Ожидаемо это оказались: свобода, независимость, сильная родина и... небо. Я не Егор и не готов всю жизнь посвятить людским болячкам. Ничуть не умаляю заслуг врачей, просто это не мое.

А вот возможность летать манила. Для одаренных существовали специальные доспехи — боевые роботы, отдаленно напоминающие костюм Железного человека, а для обычных людей — все остальное. Конечно, стать пилотом МБК (мобильный боевой комплекс) я бы не отказался. Наверное, это круто, когда ты с небом наедине, без посредников. Ощущения, по слухам, непередаваемые. Остался б одаренным — стал бы всеми правдами и неправдами добиваться права пилотирования, но теперь эта дорога для меня перекрыта. Остается по старинке сесть за штурвал летающей машины, только я еще не решил какой. Влюбившись в детстве в вертолеты с первого взгляда, я, похоже, уже перерос свою любовь и теперь был открыт для новых отношений. Впрочем, у меня еще есть время подумать, для начала надо подрасти, закончить школу, пройти медкомиссию и только тогда делать окончательный выбор.

Как же хорошо быть молодым!

И как это сложно!

Теперь, успокоившись, я ужасался масштабам задницы, в которую попал. При побеге из Москвы я прошелся по самому краешку и до сих пор не верил в свою удачу. Все столько раз висело на волоске, что только божьим промыслом и можно оправдать. Взяв у проводника в аренду его простенькую читалку, я просмотрел часть скопированной информации. Что можно сказать: Залесский развернулся в нашем интернате во всю ширь. Курсанты ненавязчиво психологически обрабатывались, проводились сеансы гипноза и внушений. Не только я ходил на чай к начальству, других тоже приглашали. Неизвестно, как работают эти закладки при отсутствии закрепления, но руководящих постов ребятам теперь явно не видать очень долго. Меня загипнотизировать не уда-

лось, о чем есть пометка в записях, а чего хотели добиться с помощью садистских тренировок у Андреаса, теперь не узнать, но вряд ли чего-то хорошего.

Один раз мелькнула мысль бросить все, объявиться и вернуться, но я ее задавил в зародыше. Помимо покойного Залесского и иже с ним, которых вычистит Милославский, в интернате останется непонятно чей агент Григорий свет Андреевич — бывший гвардеец императора, разговаривавший почему-то слогом неграмотного сельского лаптя. Все эти его словечки типа «токмо», «ни в жисть», «людёв» крайне плохо вязались с двумя высшими образованиями в не последних по уровню вузах, значки которых здесь, кстати, было принято носить на парадной одежде. Но в парадке я Григория ни разу не видел, а о двух «вышках» узнал из его личного дела, которое успел мельком пролистать перед побегом из училища. Да и переигрывал товарищ не по-детски. С развитием радио и ТВ даже на самом отдаленном хуторе так уже не говорили. Это только немного наивный Егор мог принимать его неумелое притворство за чистую монету.

А ведь я его еще и лечил, падлу!

Неизвестны также имя и судьба покровителя Залесского и Ко. Вряд ли глава Безопасного приказа поделится со мной информацией о ходе расследования. А пока главгад на свободе, я не могу чувствовать себя в безопасности.

Но самая главная для меня опасность на старом месте — это дети. Во-первых, они знали настоящего Егора. Пусть последний год он почти ни с кем не общался — подмену все равно почувствуют. Во-вторых, училище предназначено для одаренных, а я теперь чистый сквиб. И в этом долбаном «Хогвартсе» меня просто заключают, тут не надо быть гением психологии, чтобы это понимать.

Есть еще куча причин не ехать обратно, но перебирать их мне уже надоело — пора решать, как буду действовать на месте. Купленная на предыдущей станции карта легла на стол.

Сейчас я примерно здесь, а надо мне вот сюда. Пожалуй, придется сойти с поезда пораньше. Кызыл-Бурун слишком близко к нужному мне району, станция там может быть закрыта Волковыми. А часть лишних километров попробовать преодолеть автобусом или электричкой. Жаль, что нет

интернета, можно было бы составить оптимальный маршрут, не выходя из поезда, но чего нет, того нет... Можно еще к дальнбойщикам напроситься, но это на крайний случай. Это с проводником мне повезло: запихал в свое купе, не лезет с расспросами и прячет при всех проверках; а дальше может всякое случиться. Обидно будет попасться в шаге от цели. Хорошо еще Пасхальная неделя идет, никого не удивит подросток, шляющийся на улице средь бела дня.

Решено: выхожу через час в Хачмазе.

Приняв решение, по-быстрому собрал свои нехитрые пожитки, сбегал в туалет, пока не закрыли, и стал ожидать прибытия.

Неожиданно состав начал сбавлять ход и остановился прямо посреди поля. Неизвестно откуда взявшиеся вооруженные фигуры выстроились по периметру вагонов, взяв окна и двери под прицел.

Опа, что за хрень?

В наступившей тишине четко прозвучал голос по громкой связи поезда:

«Просим всех сохранять спокойствие и оставаться на своих местах. Это *не* нападение и *не* ограбление! Проводится спецоперация силами клана Алиевых. Просим приготовить документы и билеты для проверки, а вещи — для досмотра. Повторяю...»

Дальше я уже не слушал, лихорадочно перебирая варианты. Подходящего не находилось. Но и просто так оставаться на месте было глупо. Распотрошив обратно только что собранные вещи, быстро отложил в сторону деньги и флешку. От медкарты, личного дела и других прихваченных из интерната бумаг я предусмотрительно избавился еще в Москве, соорудив нехитрый тайник неподалеку от домика Григория, а вот флешку прихватил с собой. Не могу сказать, что зря, все-таки я многое понял, изучая ее содержимое, но теперь она могла стать угрозой, попав не в те руки. Избавляться от нее надо было срочно. Взгляд зацепился за складную тележку проводника, задвинутую под стол. Выдрав ручку из фиксаторов (откуда только силы взялись?), загнал злосчастный девайс внутрь полой трубки, и, убедившись по стуку, что флешка провалилась до самого колесика, попытался

приладить ручку обратно. По закону подлости, работающему во всех мирах одинаково, гадская железяка обратно не вставлялась. Потеряв на судорожных попытках секунд пятнадцать, взял себя в руки, глубоко вздохнул, успокоился и одним движением вставил ручку в отверстия стойки. На какую-то долю мгновения даже показалось, что источник снова со мной, так легко вдруг прошло это действие, но думать об этом было некогда. Крупные купюры аккуратно свернул и сунул в подпоротый специально для этой цели шов на поясе брюк с надеждой, что эта уловка сработает. Оставшиеся три десятки и мелочь распишал по карманам. Закинул сшитый за время пути из памятной занавески сидор за плечи и стал соображать, где спрятаться самому, чтобы не подставить проводника и не привлечь лишнего внимания к его купе с моим тайником.

Шум в конце вагона заставил поторопиться. Слегка сдвинув дверь, осторожно выглянул в проход. На мое счастье, вагон был плацкартный, а проверяющие зашли с противоположного конца. Столпившиеся на проходе вопреки приказам люди, перекрикивая друг друга, пытались что-то выяснить у вошедших, всячески мешаясь и перекрывая обзор. Пользуясь случаем, я незаметно прошмыгнул на первые пассажирские места, освободившиеся на предыдущей станции. Окна просматривались снаружи и иного места, кроме багажного отделения нижней полки, для прятков не оставалось. Юркнув под полку, затаился, ожидая дальнейшего развития событий.

Неожиданная стрельба где-то в соседнем вагоне спутала все карты. По всему поезду началась паника, жестко пресекаемая захватчиками. Снова ожила громкая связь:

«Внимание, просьба сохранять спокойствие. Идет спецоперация. Оставайтесь на своих местах и не оказывайте сопротивления. Вам не причинят вреда. Приготовьте билеты и документы для проверки. Повторяю...»

Лежать и ждать было страшно. Для достоверности стал специально накручивать себя, да так в этом преуспел, что, когда полка поднялась, впуская в мое убежище свет и воздух, взорам поднявших ее предстало неменяемое существо.